

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.040

УДК 94(47) "1917"(09) + 930.1 + 323.272 +
+ 323.276 + 929 Ленин**Тамаш Краус***Университет им. Лоранда Этвеша
Будапешт, Венгрия*

1917 ГОД: СТО ЛЕТ, СТО ЗАВЕТОВ

В статье предложен многоаспектный анализ феномена Октябрьской революции 1917 г. в России с разных исторических и политических точек зрения, свойственных как историческим деятелям (Ленин, Троцкий, Аршинов), так и позднейшим исследователям — представителям разных, порой диаметрально противоположных, позиций. Исходным стал тезис о связи исторической науки и политики, об особом пафосе страстности, которым проникнуты многие написанные «истории» русской революции (от Л. Троцкого и Н. Бердяева до Р. Пайпса и А. Рабиновича). Подробно рассматриваются идейные, экономические, политические, культурные истоки революции — как их видел Ленин в своих трудах и как их видят сегодня современные исследователи. Многосторонне освещается полемика по поводу интерпретации Октябрьской революции как простого путча, т. е. захвата власти с применением насилия внутри правящего класса. Особое внимание уделяется антиномии «революция — контрреволюция» в самых разных ее проявлениях. Делается вывод о том, что контрреволюционный режим оказал большое влияние на все русское общество и на самих революционеров. В заключении предпринята попытка заново подвести некий баланс всем «завоеваниям» революции с точки зрения их целей и возможностей.

Ключевые слова: Октябрьская революция 1917 г.; Ленин; история; истоки революции; историография революции 1917 г.; исторический опыт русской революции; путч; контрреволюция.

1. На границе исторической науки и политики

Историю революций нельзя писать бесстрастно, даже самый хладнокровный ученый рано или поздно окажется на той или иной стороне баррикады. Первая крупная, быть может, до сих пор наиболее значительная классическая история русской революции 1917 г. была написана одним из вождей этой революции, Львом Давидовичем Троцким, с тем революционным пылом, с которым писал только он. По сей день с нее порой «списывают» даже историки, занимающие противоположную по отношению к автору позицию. Страстными полемическими работами, написанными с позиции анархистов, были книга «Два Октября» Петра Аршинова, опубликованная в 1927 г. в Париже, и знаменитая книга Пола Аврича «The Anarchists in the Russian Revolution», вышедшая в 1973 г. в Нью-Йорке. Страстностью характеризовались и первые чисто теоретические обобщающие работы, появившиеся после революции, например, труды марксиста Дьердя Лукача и религиозного философа Николая Бердяева. Первые, написанные

с большой эрудицией работы, рассказывающие об истории русской революции, как правило, вышли из-под пера просоветски настроенных, марксистских или близких к марксизму авторов. Кто не слышал о грандиозной двухтомной книге Уильяма Генри Чемберлена «Русская революция 1917–1921 гг.» или о «коллекции реликвий» ушедшего из жизни в прошлом году Дэвида Кинга «Red star over Russia: a visual history of the Soviet Union from 1917 to the death of Stalin: posters, photographs and graphics»? Работы И. Дойчера или Э. Х. Карра, ознаменовавшие смену вех и до сих пор высоко оцениваемые историками, уже были пронизаны скорее пафосом открытия, исторического исследования.

Конечно, революционным (или контрреволюционным) пылом были проникнуты не только история или философия, но и искусство. Нужно быть узким специалистом, замкнувшимся в своей области науки, чтобы не заметить аутентичные «истории революции», отмеченные художественной страстностью и превращающие познание в эстетическое наслаждение. Среди таких произведений можно упомянуть, например, «Тихий Дон» Михаила Шолохова, «Конармию» Исаака Бабеля, «Голый год» Бориса Пильняка, «Россию, кровью умытую» Артема Веселого, «Чевенгур» Андрея Платонова, «Белую гвардию» Михаила Булгакова, «Железный поток» Александра Серафимовича, творчество Максима Горького, поэзию Александра Блока, Сергея Есенина или Владимира Маяковского, фильмы Сергея Эйзенштейна или Дзиги Вертова, картины Марка Шагала, Натальи Гончаровой или Кузьмы Петрова-Водкина.

Искренней «классовой страстью» руководствовались и сторонники контрреволюционного подхода, а позже — так называемой концепции тоталитаризма, выдвинутой в годы холодной войны. Вершиной этого направления стала «неототалитаристская» книга наиболее влиятельного сторонника этой позиции Ричарда Пайпса «Русская революция», опубликованная в 1990 г. Этой книге также свойственна «страсть разоблачения», имеющая непосредственную политическую подоплеку: автор ставит под сомнение буквально все основные тезисы, методы и результаты так называемой ревизионистской и марксистской исторической науки. Несмотря на то, что Советского Союза нет уже четверть столетия, эта страстность понятна, ведь история великих революций рассказывает о возможности и невозможности изменить мир.

Неслучайно историков можно найти и среди действующих лиц русской революции, причем в первых рядах воюющих сторон. Один из вождей либералов, министр иностранных дел Временного правительства Павел Милюков, был по профессии историком, и написанные им история русской культуры и история революции до сих пор не потеряли своего значения. Представитель другого лагеря, революционер-большевик Михаил Покровский, основатель советской исторической науки, также был в начале XX в. выпускником историко-филологического факультета Московского университета. Однако послевоенное поколение повсеместно в Восточной Европе выросло на официальных марксистско-ленинских трудах 1960–1970-х гг., в которых даже в постсталинскую эпоху было множество белых пятен: в них отсутствовали имена многих

лидеров революции, а если эти имена и упоминались, то сопровождаемые бранными характеристиками. Первые «бунтари» в 1970-х гг. вступили в борьбу как раз за уничтожение этих «белых пятен», опираясь при этом на первичные источники, а также на работы уже упомянутых западных историков, прежде всего Александра Рабиновича¹. Если не в Москве, то, например, в Будапеште эти работы были доступны ученым, имевшим официальный статус. В то же время нельзя не вспомнить советских ученых, которые в Москве познакомили молодых венгерских и других восточноевропейских исследователей с особенностями устной истории и самиздата. По личному опыту я хотел бы упомянуть уже покойных Владимира Турок-Попова и Виктора Иосифовича Миллера, приближающегося к 90-летнему юбилею Генриха Зиновьевича Иоффе или уже перешедшего 90-летний рубеж Роя Александровича Медведева, которых я и сегодня вспоминаю с глубокой благодарностью. Что же касается первых попыток работать в московских архивах, то о них и о связанных с ними фантастических ситуациях интересно рассказано в недавно вышедших в свет, наполненных жизнью мемуарах Шейлы Фитцпатрик [Fitzpatrick]. Несмотря на то, что по-прежнему существуют связанные с историей революции личные фонды, недоступные для изучения, в целом доступ к источникам уже открыт, однако по каким-то причинам за последнее время как в России, так и в Восточной Европе было опубликовано очень немного работ по истории революции.

Конечно, за последние десятилетия (параллельно с возможностью работать в архивах) в трудах по истории снова появились имена Троцкого и Бухарина, Зиновьева и Каменева, а то и Махно, но это не приносит большого удовлетворения. История русской революции, как и многое другое, стала частью легитимационной идеологии нового господствующего порядка и повсеместно — от Москвы до Киева, от Вильнюса до Варшавы и Будапешта — попала в плен старых предрассудков. При посредничестве «неототалитаристской школы» со свалки истории были принесены казавшиеся безвозвратно устаревшими заблуждения, более того, лживые утверждения и забытые сплетни, получившие статус объяснительных «теорий». Создается впечатление, будто бы уже не существует достижений так называемой ревизионистской школы, казавшейся победительницей в нашем регионе в 1980-х гг. В этом выразились идеологические посылки, характерные для интеллектуального климата в странах Восточной Европы, сложившегося после смены общественного строя, в котором, несколько упрощая, можно выделить, с одной стороны, либеральную русофобию, а с другой стороны — имперский государственный национализм или этнонационализм. Явная цель подобной переоценки истории русской революции состоит в том,

¹ Среди попыток уничтожения «белых пятен» я упомяну и свою небольшую книгу «A cártól a komisszárokig. Az 1917-es oroszországi forradalmak történetéből» (Kossuth, 1987), в которой в списке использованной литературы «мирно соседствовали» работы Э. Бурджалова и А. Рабиновича, венгра И. Долмвнѣша, а также Т. Х. Ригби, Г. Йоффе и Н. Думовой, Б. Николаевского и П. Аврича.

чтобы очернить ее участников, ее цели, ценности, надежды и реальные результаты, поставить под сомнение сам факт Октябрьской революции.

На сотом году после русской революции наибольшей популярностью, быть может, пользуется интерпретация октябрьских событий как путча. Эта интерпретация распространилась в Восточной Европе по многим каналам от мейнстрима пропаганды до книг по истории. Ныне 90-летний историк революции А. Рабинович, который провел свое детство в США среди русских эмигрантов, принадлежавших к самым разным политическим направлениям, и слышал рассказы именитых гостей об октябрьских событиях, так говорит об истоках этой трактовки: за длинными обедами и ужинами Керенский и Набоков или меньшевистские руководители, Церетели и Николаевский, убеждали себя и своих слушателей в том, что октябрьское восстание было всего лишь военным путчем, организованным бандой заговорщиков во главе с Лениным на деньги германских разведслужб или, по другой версии, «инородцев», еврейских банкиров. (Между тем, ученым давно известно, что в 1917 г. великороссы составляли немногим более половины 145-миллионного населения империи и в то же время приблизительно две трети партии большевиков. Согласно любым статистическим данным, «инородцы», евреи, составляли менее 2 % населения и 9 % членов партии). Исследовательская деятельность маститого историка может отчасти рассматриваться как своеобразный ответ на этот «тезис» [Russia's century of revolutions].

Вряд ли можно было предположить, что спустя семь десятилетий «криминализация» истории революции и абсолютизация нарратива насилия и террора превратятся, можно сказать, в официальную доктрину в обширном регионе Европы и прежде всего в той стране, где произошла эта революция. Сопредседатель Российского исторического общества академик Александр Чубарьян прямо вывел насилие из революции, а отнюдь не наоборот [Александр Чубарьян об уроках революции 1917 года].

2. Истоки революции

В наши дни даже историки иногда задают наивный вопрос: почему же революционеры не слушались «умеренных» либералов, которым будущее России виделось в движении по западноевропейскому пути развития под знаком буржуазной или подобной ей республики или буржуазной монархии? С другой стороны, возникает и такой вопрос: как случилось, что почти все эти «умеренные» либералы позже оказались в лагере белогвардейской офицерской диктатуры?

Системный кризис, который взорвал в 1917 г. монархию и традиционное русское общество, разразился не случайно. Либералы и марксисты, Плеханов и Милюков, Ключевский и Покровский, Ленин и Струве, Троцкий и Рязанов много лет вели полемику о связи между кризисом самодержавия и «своеобразием исторического развития России». Это «своеобразие» вырвалось на поверхность в 1905 г. Немногочисленный, но сконцентрированный в нескольких крупных

городах пролетариат с его советами и десятки миллионов безземельных крестьян, захватывавших землю, показали в 1905 г. всему миру, что судьба царского самодержавия теперь зависит в первую очередь от них. Не все поняли уроки истории 1905 г. Однако русское общественное мнение, начиная с сосланных революционеров и кончая авторами сборника «Вехи», осознало, что ни кровавый террор, ни царская «конституция», ни осуществленные «наполовину» столыпинские аграрные реформы не только не смягчили, но, напротив, обострили внутренние противоречия самодержавного режима, социальную напряженность в стране.

В России сложилась такая «многоукладная», «полупериферийная» форма развития, которая являлась переходной между капитализмом евроамериканского ядра и «досовременным» колониальным регионом. Таким образом, в иерархической мировой экономике Россия зависела от этого ядра, от иностранного капитала и в то же время и сама была своеобразной колониальной державой в соответствии с понятием «внутренняя колонизация». Докапиталистические формы постепенно превратились в функцию формы капиталистической, что к большой радости отечественного и иностранного капитала сделало процесс воспроизводства, накопления капиталов на «полупериферии» повышенно ориентированным на получение прибыли. Самодержавию удавалось сдерживать волнения неграмотной, дешевой, но недовольной условиями жизни «рабочей силы» лишь путем применения жестоких форм насилия. В Западной Европе в то время уже существовали гораздо более утонченные средства эксплуатации. В России эта социальная масса, промышленный пролетариат, составляла перед Первой мировой войной уже около 10 миллионов человек [Воейков].

При царском самодержавии не сложилось третье сословие, хотя экономически и политически самостоятельной демократической буржуазии не было даже в XX в. Значительная часть русской революционной социал-демократии, особенно большевики, сделали из этого вывод, что без демократической буржуазии западная либеральная буржуазная демократия невозможна. Поэтому социалистическое рабочее движение пришло к необходимости «интегрировать» в себя «досовременные» движения безземельного крестьянства (рабоче-крестьянский союз), что было опробовано в ходе «генеральной репетиции», пролетарской революции 1905 г., а затем осуществлено во время Революции 1917 г. и Гражданской войны. Большая часть меньшевиков выступала не за союз с «консервативным крестьянством», а за сотрудничество с либеральной буржуазией, а позже — с Учредительным собранием. Это противоречие очень рано проявилось в политическом противостоянии Плеханова и Ленина.

Развитие глобализации, которую в российском и международном рабочем движении называли в то время империализмом и колониализмом, означало не только экономическую и политическую экспансию капитала и великих держав. Новые формы развития капитала и война привели к эрозии империй, возникли национальные движения, были обрисованы контуры новых национальных государств с присущими им новыми противоречиями. Царь и властные институты не только не знали решения этих проблем, но и не понимали

всей тяжести и сути большинства из них. После поражения первой русской революции «модернизация самодержавия» двинулась по «прусскому пути» развития капитализма. Эти обстоятельства снова заставили многих задуматься о перспективах буржуазной эволюции, заманив в трясины иллюзий даже часть социал-демократов.

Несмотря на правительственный гнет, накопленное в XIX в. революционное наследие продолжало увеличиваться как в интеллектуальном, так и в социальном отношении². В соответствии с особенностями социального развития России, российское рабочее движение и Российская социал-демократическая рабочая партия формировались на интеллигентской основе. Как много лет назад отметил Эрик Хобсбаум, чем дальше мы движемся с запада на восток Европы, тем большую роль играет интеллигенция в рабочем движении. В документах II съезда РСДРП (1903) отражается характерная черта русской революционной традиции — неспособность к бюрократическим компромиссам и устремленность к конечным целям, пролетарской революции, диктатуре пролетариата и социализму (коммунизму), к ликвидации социально-экономического неравенства. Историки давно выяснили, что российская социал-демократия и рабочее движение ведут свою «родословную» прежде всего от русского якобинства (ткачевизма), бакунизма (анархизма), народничества, «Народной воли» и так называемых революционных демократов — Герцена, Добролюбова и Чернышевского. Составные части этого «наследия» в разных пропорциях были представлены в различных революционных интеллектуально-политических течениях. Марксизм пустил прочные корни уже в начале века только среди социал-демократов во главе с «патриархом» движения Плехановым.

Отечественное революционное наследие было оплодотворено французским Просвещением и французским социализмом, а также немецкой социал-демократией на базе интегрирующего влияния Маркса и марксизма. Уже в знаменитом письме к Вере Засулич Маркс писал, что в России возможна социалистическая революция. Ленин очень рано, еще до революции 1905 г., понял, что эпицентр революционного движения переместился в Россию. На основании работ Маркса Ленин представлял себе русскую революцию в качестве исходной точки революции европейской. В письме к Засулич говорится, что, если русская революция не останется в одиночестве, и рабочее движение Запада не примирится с капиталистическим строем, то победа революции и социализма в России с ее крестьянской общинной традицией будет обеспечена. В противном случае русская революция как революция коммунистическая будет обречена на провал [Маркс].

В предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1882 г. Маркс и Энгельс связывали воедино вопросы о местной и всемирной

² Во время холодной войны эта тематика привлекла внимание историков в США. Одной из первых книг по этой теме была работа: *Haimson L. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1955. Первая серьезная работа в эмиграции принадлежала Федору Дану: *Дан Ф. И. Происхождение большевизма: К истории демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян*. Нью-Йорк: Новая демократия, 1946.

революции. Они рассматривали русскую общину и возможность русской революции в свете различия в развитии России и стран ядра:

Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада? <...> Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития [Маркс, Энгельс, с. 350].

Собственно говоря, с этого пункта Ленин и продолжил ход мысли Маркса. Русская революция произошла не по представлениям Маркса и Энгельса. Плеханов и Ленин уже в самом начале XX в. считали, что капитализм безвозвратно «подорвал» общину, и ее разложение — необратимый процесс. Ленинская революционная альтернатива, нацеленная на «смену цивилизации», получила свою окончательную теоретическую форму во время Первой мировой войны, когда Ленин сформулировал закон неравномерности развития капитализма в эпоху империализма. Он писал, что в рамках этого закона Россия является «слабым звеном империализма», где будет легче всего пробить стену капитализма. И хотя Ленин преувеличивал антикапиталистический потенциал антиколониальных движений, он понимал, что антиколониальные и национальные движения могут быть очень разными с исторической и классовой точки зрения. Критерием его оценки была направленность этих движений к «средневековью» или к «новому времени». Порвав с господствовавшим тогда и у «левых» Запада «евроцентризмом», Ленин искал возможности глобального сопротивления. Однако революционный кризис и глобальное распространение революционной борьбы в конечном итоге были ускорены мировой войной, напоминающей о русско-японской войне, «ответственной» за начало первой русской революции.

Позиции революционных течений в противовес позициям сил, стоящих за реформирование царизма, укреплялись благодаря тому, что возможности реформирования самодержавия иссякли, а главное — благодаря мировой империалистической войне с ее апокалиптическими последствиями. Таким образом, Первая мировая война была непосредственной «предысторией», можно сказать, «колыбелью» революции. В 1916 г. разразился непростой продовольственный кризис, недееспособной стала вся система производства, что выразилось и в военных поражениях. Сразу после революции в результате наступившего кризиса был закрыт целый ряд промышленных предприятий. Как пишет известный специалист по этой тематике, даже частный капитал не слишком доверял новому Временному правительству, хотя оно было «своим» с классовой точки зрения. Это фатальное недоверие нашло однозначное выражение в массовом закрытии частных предприятий. К октябрю промышленное производство сократилось на 40 % по сравнению с предыдущим, 1916 годом

[Чураков, с. 213–214]. Таким образом, хаос, насилие, вспыхнувшие эпидемии и голод были следствиями не революции, а мировой войны и краха царского режима. На некоторых предприятиях заработная плата рабочих сократилась наполовину по сравнению с предвоенным временем. Октябрьская революция, как и всякая революция, поначалу не могла похвастаться успехами в организации производства. Несмотря на все усилия, «советская смена общественного строя» не улучшила положения на производстве, в области борьбы с голодом и безработицей. Типичными явлениями повседневной жизни стали грабеж, опустошение продовольственных складов и массовое бегство от голода в деревни. Подавляющее большинство русского рабочего класса и крестьянства, пусть с недовольством и волнениями, но все же пошли на жертвы, за которыми стоял союз «консервативного» крестьянского и современного пролетарского антикапитализма.

3. Путчист Ленин?

В дни Февральской революции, сокрушившей самодержавие, большевики были еще едва известны общественному мнению России и казались маленькой, незначительной партией среди множества других партий и течений, немедленно появившихся в условиях беспредельной февральской свободы. Значительная часть большевистской партии, насчитывавшей несколько тысяч человек, находилась в ссылке или в эмиграции. Зато разложение армии играло на руку большевикам, поскольку только их партия требовала немедленного завершения войны, безусловного заключения мира и «объединения пролетариев всех стран» в борьбе против капитала.

Мировая война своей разрушительной силой указала всей Европе конечные границы капиталистического накопления и тем самым поставила перед спонтанным выбором. «Ответ» русских большевиков подготавливался путем многолетней методичной революционной деятельности. После Февральской революции именно они первыми поняли, что историю, революцию делают не они, а быстро расширяющееся спонтанное народное движение, но что именно они должны будут возглавить это движение в результате «перманентного» развития революции. Следовательно, неслучайно, что к октябрю большевики из партии «профессиональных революционеров» численностью в несколько тысяч человек превратились в массовую партию, насчитывавшую около 300 тысяч членов. Другие политические течения вовсе не стремились к пролетарской революции, в этом смысле у большевиков не было настоящих конкурентов в революционном лагере. Разобшенная и гетерогенная партия эсеров, имевшая летом 1917 г. более полумиллиона членов, не выдвинула ясных целей, которые показали бы четкую перспективу революционизированным, возбужденным массам. Премьер-министр Временного правительства эсер Керенский не хотел и не мог выйти из войны, а также не инициировал раздел земли. Этот гордиев узел был разрублен лишь в октябре 1917 г.

Еще задолго до Октябрьской революции Ленин смотрел на Парижскую коммуну как на возможную и естественную «предысторию» русской социалистической революции, о чем подробно писал в брошюре «Государство и революция» [Краус, 2011, с. 191–227]. Изучив функционирование буржуазного государства, Ленин пришел к выводу, что бедность и нищета практически не дают возможности использовать правовую базу демократии. Дело не только в том, что у бедняков нет возможности «купить» демократию, но и в том, что они «остаются настолько задавленными нуждой и нищетой, что им “не до демократии”, “не до политики”, что при обычном мирном течении событий большинство населения от участия в общественно-политической жизни отстранено» [Ленин, 1974, т. 33, с. 86].

Уничтожение «государства-паразита» рассматривается в качестве политической предпосылки «экономического освобождения труда», больше того, государство и свобода интерпретируются как диаметрально противоположные понятия, противоречие между которыми может быть разрешено только революцией. Ленин и в этом отношении ссылается на Маркса, который предложил удалить из социалистической программы слово «государство» и заменить его словом «община» [Там же, с. 64]. При этом Ленин замечает:

Среди большевиков, наверное, противников совета Энгельса и Маркса не найдется. Трудность будет, пожалуй, только в термине. По-немецки есть два слова: “община”, из которых Энгельс выбрал такое, которое не означает отдельной общины, а совокупность их, систему общин. По-русски такого слова нет, и, может быть, придется выбрать французское слово “коммуна”, хотя это тоже имеет свои неудобства [Там же, с. 65–66].

В конце концов, Ленин отдал предпочтение слову *commune*, которое вошло в русский язык в форме *коммуна*. Возможно, впервые оно фигурировало в заметке Ленина от 14 (1) ноября 1917 г., которую он набросал на заседании петроградского парткомитета.

Создание такого общинного строя (социализма) можно считать содержанием и целью революции. Таким образом, революция является одновременно экономическим, социальным и политическим деянием наемных рабочих. Может ли быть революция путчем? Это взаимоисключающие друг друга линии развития, ведь путч представляет собой фракционную борьбу внутри правящего класса, применение насилия для захвата власти.

В Октябрьской революции все усилия и конспиративные приемы большевиков, направленные на захват власти, были частью, точнее, лишь одним из элементов начавшегося в феврале революционного процесса. В этом смысле вооруженное восстание, террор и насилие нельзя вырвать из этого процесса как часть из целого. Ленин в течение десятилетий критиковал обособленный от народа «акционизм» декабристов, русских яковинцев и террористов, подчеркивая, что само по себе «элитистское» вооруженное восстание, опирающееся на конспирацию, заранее обречено на провал.

Непосредственно перед Февральской революцией в центре теоретической и организационной деятельности Ленина стояло изучение социального влияния

и возможных последствий мировой войны. Это отразилось в классической работе «Военная программа пролетарской революции», в которой он однозначно указал на исторический опыт, который подтверждают «все великие революции» и который вскоре был подтвержден и историей русской революции и Гражданской войны: исходя из логики классовой борьбы, революции в гражданской войне необходимо вести борьбу с получившими военную организацию силами, стремящимися к реставрации старого режима. Поскольку мировая война до предела обострила классовые противоречия, стало невозможно прекратить «реакционную, рабовладельческую и преступную войну» с помощью одного пацифистского лозунга разоружения, и поэтому предоставляется возможность превратить антиимпериалистическую национальную войну в войну гражданскую [Ленин, 1973, т. 30, с. 132–133]. Следовательно, ленинский анализ показывает, что любой путч, пытающийся подменить собой национальное восстание революционных масс, не может иметь никаких шансов на успех, ведь в конечном итоге путч — это не что иное, как средство «урегулирования» конфликтов внутри правящего класса. Ленин хорошо знал историю Европы, особенно историю революций. Сторонники теории путча замалчивают именно то, что «путчистский элемент» является частым атрибутом революций, поскольку, как наглядно показывают буржуазные революции в Нидерландах, Англии, Франции и других странах, насилие сопутствует всем революциям, не говоря уже о том, что отмена рабства в США повлекла за собой самую кровопролитную гражданскую войну XIX в. Нельзя забывать и о том, что степень насильственности революций, помимо прочих факторов, зависит и от степени сопротивления контрреволюционных сил.

В своем выступлении на собрании рабочей молодежи в цюрихском Народном доме в годовщину революции 1905 г., 9 января 1917 г., за пару недель до Февральской революции, Ленин в качестве важнейшего урока подчеркнул именно народный характер первой русской революции, значение массовой стачки, всеобщей забастовки, «революционных масс», самоорганизации народа: «Слово “забастовщик” приобрело у крестьян совершенно новое значение: оно обозначало что-то вроде бунтовщика, революционера, что раньше выражалось словом “студент”». Но, поскольку «студент» принадлежал к среднему сословию, к «ученым», к «господам», он был чужд народу. Наоборот, «забастовщик» сам вышел из народа.

Стремление ложно интерпретировать смысл революции и представить ее путчем — очень старый товар на политическом рынке. Такая интерпретация появилась уже в 1905 г. по поводу рабочего восстания в Москве. В этой связи Ленин опроверг мнение уже тогда известного социолога Макса Вебера, считавшего Московское вооруженное восстание 1905 г. «путчем».

Роза Люксембург, напротив, увидела в революции 1905 г. активную, сознательную и концентрированную деятельность народных масс и подчеркивала всемирно-историческое значение всеобщей стачки и советов. И действительно, если не «ограничивать» революцию одним днем или одной ночью, то уже и на стадии ее подготовки станет виден народный, массовый характер, следует

лишь обратить внимание на самое существенное — на миллионы самоорганизованных людей, которые пойдут за большевиками и в период Гражданской войны. Без этого крупного массового движения едва ли удалось бы победить белую контрреволюцию, пользовавшуюся финансовой и военной поддержкой Запада, не говоря уже о международной империалистической интервенции, направленной против Советской России.

Плохие историки-презентисты не считают настоящее результатом истории, а проецируют его в прошлое. Уже Троцкий в свое время подчеркивал в связи с историей русской революции, что революции, в отличие от путчей, «делаются не по заказу», как бы ни старались позже историки доказать противное. Наступление революционных событий зависит, с одной стороны, от действий внезапно и быстро революционизирующихся масс и их партий, а с другой стороны — от множества непредсказуемых действий властей. Ленин и большевики, участь у массовых движений, постепенно, ценой внутренней борьбы, выстрадали навыки, позволившие им в решающий исторический момент встать во главе вооруженного восстания, в то время как старые царские и буржуазные структуры власти (Дума) разрушились под влиянием продолжающейся войны и народной нищеты. Следовательно, главный вопрос не в том, можно ли было избежать революции. На него со всей решительностью следует дать отрицательный ответ. Главный вопрос в том, какие политические силы дали форму и направление народному движению и какие именно направление и форму они ему дали. В этом смысле никто не мог предсказать дату начала революции, в том числе и Ленин, ставший ее ведущим деятелем. Даже в конце 1916 г. Ленин еще гадал, доживет ли он вообще до решающих сражений русской революции. Он говорил: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции» [Ленин, 1973, т. 30, с. 328]. Это признание также показывает, что революция действительно не «делалась по заказу», однако, как выяснилось позже, большевики лучше других подготовились к тому, чтобы в конечном итоге задать в интеллектуальном и политическом смысле нужное им направление развития революции.

В этой связи решающее значение имели два момента: к осени 1917 г. большевики почти везде получили большинство в советах. Другой момент, на который *expressis verbis* указал Ленин, состоял в убеждении, что «восстание — это искусство», и история очень редко допускает создание таких «произведений искусства». Неслучайно Троцкий в августе 1917 г. вступил в большевистскую партию, поскольку считал, что это единственная партия, способная возглавить революционные массы, руководить ими, направлять их деятельность. Понадобилась многолетняя работа, чтобы понять, что буржуазная революция была лишь эпизодом в русском революционном процессе.

Эти дни, вдохновившие на деятельность миллионы людей, можно рассматривать с разных точек зрения. Западноевропейская пресса того времени, как правило, ничего не понимала в происходящем. Ее представители видели или, скорее, показывали буйнявших, пьяных матросов, рассказывали о жаждающих

мести, натравленных на богачей разбойниках. В номере парижской газеты «Journal de Débats» от 10 ноября 1917 г. говорилось о «бесновании дефетистов», «предателей-космополитов», которые «не представляют общественного мнения страны», здесь же содержался призыв к «повторению» восстания Корнилова, но в «еще бóльших масштабах». Пусть русская кровь льется на фронтах войны... Нельзя сказать, что в дни революции в столицах не увеличилось число грабежей и убийств, ведь массовые выступления привлекают любителей ловить рыбу в мутной воде. Однако лондонская «The Times» 19 ноября 1917 г. более объективно писала об утверждении порядка, о восстановлении трамвайного движения в Петрограде, о множестве людей, в хорошем настроении посещающих кинематографы и театры: «Если продовольственное снабжение удовлетворительно, город остается спокойным. Говорят, что запасов продовольствия хватит на 10 дней. Преступления практически прекратились в результате установления контроля над радикалами». В своей гениальной книге «Десять дней, которые потрясли мир» Джон Рид описывает события не в духе буржуазных газет, он передает настроение революционных масс, вследствие чего восстание предстает перед нами творением самого народа.

В октябрьские дни в самоорганизованных советах и в других организациях населения сплотилось гораздо больше 10 миллионов человек. Именно эти организации миллионов людей, разочаровавшихся в войне и измученных войной, прежде всего различные рабочие, солдатские и крестьянские советы, военно-революционные и фабрично-заводские комитеты, профессиональные и вооруженные самооборонные организации, ставшие рыхлыми структурами народной мобилизации, производства, раздела земли и отправления власти, стихийно и с огромной изобретательностью гнали вперед революцию. Продуктом этой деятельности стал и принятый на II Всероссийском съезде Советов декрет о земле. В нем одновременно выразились нужда крестьян в земле и их жажда социального равенства. Земля перешла к крестьянам таким образом, что сначала она была национализирована, чтобы не допустить ее купли-продажи, иначе говоря, земля была изъята из сферы рыночных отношений и накопления частных капиталов, а затем передана крестьянским комитетам под лозунгом «земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает». Далеко ли отсюда до продрозверстки военного коммунизма? И далеко, и близко.

«Призраки коммунизма» с ураганной быстротой смели почти все учреждения старого режима, старых господствующих классов. В горячие дни революции массам казалось, что свободное от эксплуатации общество уже близко, на расстоянии протянутой руки, что уже «бьет час капиталистической частной собственности» (Маркс). Общество будущего революционеры называли иностранным словом *социализм*. Это слово распространялось быстрее, чем в эпоху интернета. Эти народные организации выросли одновременно из самых современных и самых архаических отношений. Размещавшийся прежде всего в Петербурге и в Москве немногочисленный современный промышленный пролетариат был социальным слоем, «социализировавшимся» в социал-демократических

и профессиональных организациях и впитавшим их идеологию, однако и он сохранил традиции общинного прошлого, состоял из «полурабочих-полукрестьян» [Чураков], Троцкий даже в Ленине увидел крестьянское происхождение, хотя, как известно, его отец и мать были интеллигентами.

Отличающиеся друг от друга особенности пролетарской, солдатской и крестьянской революций указывали на различные социально-политические и ментальные тенденции и в отношении целей и средств. Так, самым многочисленным слоем «революционного лагеря» было связанное с прошлым, «консервативное», но «антикапиталистическое» по своим ценностям и обычаям, стремящееся к разделу земли общинное крестьянство. Наконец, третьим важнейшим социальным «слоем» революции были солдатские массы, имевшие в основном крестьянское происхождение, но «повидавшие свет», вооруженные, но стремившиеся выйти из войны. Их интересы с наибольшей силой и эффективностью также выражались Лениным и большевиками с присущим им «антипатриотизмом». В этом крестьянском смысле революция была своего рода возвращением к традиции, неслучайно так много различных партий смогли признать революцию и защитить ее на фронтах Гражданской войны. Эти слои, участвовавшие в революции, были пронизаны духом «пугачевщины», всепоглощающего анархистского бунта [см.: Булдаков], который сочетался с современными организационными особенностями и символами европейского рабочего движения. Но революция создала собственную культуру: на сторону революции встала или прибилась к ней часть русской интеллигенции и образованных, но немногочисленных средних слоев общества. Позже, под влиянием трудностей Гражданской войны, большинство из этих последних встало на сторону традиционных господствующих классов, и сотни тысяч человек остались в эмиграции.

Антикапиталистические, гнавшие вперед советскую революцию восставшие массы с пробудившимся политическим самосознанием были «невосприимчивы» к буржуазно-демократической альтернативе, чуждому им миру буржуазной республики. Они не понимали сути и обычаев буржуазной демократии, регулирующей системы рыночного хозяйства, хотя идея созыва учредительного собрания пользовалась определенной популярностью в общественном мнении. Однако лозунги и приоритеты масс имели не политическую и правовую, а социальную природу («земля, хлеб, свобода», «долой министров-капиталистов», «вся власть Советам» и т. д.).

4. Белогвардейская диктатура и «демократическая контрреволюция»

История революций (1848–1849, 1917–1921) всегда включает в себя и историю контрреволюций. Кажется, что русская революция легко победила, в феврале 1917 г. многовековое здание самодержавия развалилось подобно карточному домику, Зимний дворец был занят восставшими практически без единого выстрела... Однако поддерживавшие самодержавие общественные классы сделали всё возможное, чтобы спасти то, что еще можно было спасти.

В этом отношении русская революция оказалась одновременно перед двумя вызовами. Одним из них была офицерская контрреволюция, стремившаяся спасти старый режим и старые господствующие классы, военные диктатуры, возглавлявшиеся генералами. Как известно, в августе 1917 г. путчист генерал Корнилов (достойными последователями которого стали генералы Деникин, Юденич, Колчак и Врангель) был первым, кто путем военной контрреволюции попытался вернуть историческое время в привычные рамки. Однако «легкость» октябрьского захвата власти показала слабость русской «военной контрреволюции», распад армии и степень присоединения масс к революционным силам [см., например: Иоффе].

Шансы на возрождение контрреволюции увеличились благодаря вмешательству западных великих держав. Они оказали финансовую и военную поддержку пригодным для военной мобилизации силам контрреволюции. Однако, великие державы начали военную интервенцию против Советской России в первую очередь не по идеологическим причинам. Они продолжали кровопролитие в борьбе за стратегическое влияние, за источники сырья, в интересах «возвращения» прежних капиталовложений, в надежде на раздел распавшейся России. В этой борьбе их лучшими союзниками могли стать офицерские диктатуры, даже несмотря на то, что белые генералы стремились восстановить какую-либо форму старого режима на основании монархистских традиций, под лозунгом «единой и неделимой России». Еще не было никаких признаков гражданской войны, когда 9 марта 1918 г. в районе Мурманска на берег высадились британцы, а летом 1918 г. в Архангельске появились французские, американские и канадские отряды. 5 апреля 1918 г. во Владивостоке высадились японцы, а позже американцы. В августе 1918 г. британцы уже намеревались наложить руки на бакинскую нефтедобычу, а немцы в марте заняли почти всю Украину. Появление турок в Закавказье и позже беспорядки, устроенные в России организованным Антантой контрреволюционным чехословацким корпусом, уже с мая 1918 г. свидетельствовали о том, что значительные территории Советской России от Балтийского до Черного моря и от Кавказа до побережья Тихого океана оказались под контролем иностранных войск. В 1920 г. в результате наступления Пилсудского и в основном при поддержке французов в руки поляков попали Западная Украина и Западная Белоруссия. По всей Европе прошла кампания «Руки прочь от Советской России!», организованная в рамках рабочего движения, и несколько тысяч военнопленных различной национальности остались в России, чтобы оказать вооруженную поддержку революции. Всё это указывает на прочную международную «укорененность» как революции, так и контрреволюции, но всё же русская революция в основном своими силами сумела победить различные генеральские диктатуры военной контрреволюции. Только централизованная власть, опирающаяся на широчайшее народное сопротивление, могла победоносно завершить гражданскую войну на необъятных просторах России. О «притягательной силе» революции свидетельствует то, что 44 % командного состава Красной армии составляли бывшие царские офицеры.

Несмотря на лишавшие крестьян продовольствия распоряжения эпохи военного коммунизма, беднейшие слои крестьянства, хотя и не без колебаний, нашли дорогу в Красную армию, правда, многие из них прошли и через армии белых, но в вопросе о земле царские генералы не могли превзойти советскую власть. Этот судьбоносный исторический факт прекрасно символизирует судьба Григория Мелехова из «Тихого Дона» М. Шолохова.

Другую тенденцию контрреволюции представляли силы, стремившиеся вернуться к Учредительному собранию и желавшие «буржуазным путем» смирить революцию и ввести ее обратно в рамки частнособственнического строя. Однако, как известно, у баррикад гражданской войны есть только две стороны. И это особенно справедливо для России после 1917 г.

Учредительное собрание, большинство в котором принадлежало эсерам, выбрало другой путь, пошло по пути буржуазной легитимности. Однодневная история Учредительного собрания, несомненно, многое говорит о его перспективах (6 января 1918 г. по приказу большевиков караул Таврического дворца закрыл собрание). После Февральской революции сложилось положение, когда шла борьба между двумя сторонами так называемого двоевластия, буржуазным Временным правительством и Советами, после октября 1917 г. эта борьба поднялась на новый уровень. Распуск Учредительного собрания, которое официально было создано по указанию Центрального исполнительного комитета Советов, свидетельствовал о том, что революционная власть не признает над собой другой власти, что на языке той эпохи формулировалось так: «Революционный пролетариат не отдаст власть контрреволюционной буржуазии». Это подтвердилось тем фактом, что основные силы русского либерализма в конечном итоге оказались в лагере белогвардейской контрреволюции, что органически следовало из особенностей русского исторического развития.

Уральско-сибирские и дальневосточные события лучше всего показали, что если бы большевики не разогнали неорганизованные и слабые силы Учредительного собрания, то это сделал бы Колчак, который «походя» расправился с «остатками» Собрания радикальнее большевиков, уничтожил их физически. В Советской России сложилась властная структура, способная одержать военную победу даже над самой дикой генеральской диктатурой. Власть концентрировалась в руках руководства в соответствии с нуждами войны и условиями «военного коммунизма», по мере побед на фронтах Гражданской войны. Это, конечно, противоречило конечным целям революции, которые Ленин наметил еще в сентябре 1917 г. в брошюре «Государство и революция». Но это противоречие заключалось уже в том факте, что большевики не желали вступить в правительственную коалицию с не согласными с их антикапиталистической программой социалистическими и социал-демократическими партиями для последовательного ведения политической классовой борьбы.

В этой связи военный контрреволюционный режим оказал большое влияние на все общество и на самих революционеров, которые стремились к созданию такой власти, которая в любое время могла бы справиться даже и с вооруженным

выступлением внутренних и внешних врагов. Эти обстоятельства и унаследованные исторические условия образовали ту почву, из которой легко вырос советский тип авторитарного правления, который, однако, в начале 1920-х гг. был еще далек от сталинской личной диктатуры.

Возникает вопрос: почему диктатура большевистской партии не рухнула уже в начале или середине 1918 г.? Современные «догматики» немедленно называют главной причиной насилие и принуждение, красный террор. Между тем этого не утверждал и сам Милюков, больше того, он видел главную причину господства советов не в силе большевиков, а скорее в слабости их противников из антибольшевистского лагеря [Милюков]. В свою очередь, левые противники большевиков (меньшевики, эсеры, анархисты) часто говорят о том, что российский рабочий класс (а также, наверное, и другие слои общества) тянулись не только к пугачевщине, но и к авторитарному правлению, при этом они упоминают о его неорганизованности, низком уровне сознательности и культуры. Многие меньшевики (например, Мартов и Дан), эсеры и анархисты видели свои слабые места и вместо реального исторического выбора они пришли к «надисторической» позиции, к идее буржуазно-демократической республики. Но и они знали, что отсутствуют социальные движущие силы, способные утвердить такую республику.

Колоссальная роль большевистской партии состояла в том, что она взялась заменить собой эти «отсутствующие движущие силы». В обстановке хаоса и распада она сама приступила к государственному строительству и организации производства. В конечном счете революция не удержалась в рамках самоорганизации и самоуправления не из-за каких-то субъективных ошибок, а по указанным выше многочисленным историческим, политическим, экономическим, ментальным и психологическим причинам.

5. Революция на весах истории — конечные цели и возможности

С весны 1917 г. постепенно установился рабочий контроль на заводах крупных городов. На капиталистических предприятиях рабочий контроль резко ограничивал выработку прибыли, поскольку рабочие внесли в производственный процесс социальные соображения. К тому же во многих местах капиталисты не желали платить даже условленную заработную плату, как показывали получившие известность харьковские и екатеринбургские события [Ленин, 1970]. Эта ситуация привела к удержанию предпринимателями денежных средств, а позже к национализации предприятий, не обязательно означавшей огосударствление. Во многих местах еще существовали новые организационные формы рабочего контроля, рабочий совет или фабрично-заводской комитет непосредственно пользовались правами собственника, хотя со всё более узким кругом полномочий.

Дольше всего общественное, коллективное самоуправление сохранилось там, куда позже протянулась длинная рука политики, государственной власти, прежде всего — в сельскохозяйственном производстве. Производственные

и потребительские кооперативы и сообщества, которые Ленин называл «островами социализма», по существу не пережили сталинского перелома в конце 1920-х гг.

Подводя итоги, можно сказать, что вскоре после победы Октябрьской революции, в противоположность целям, изложенным Лениным в «Государстве и революции», отмирать начало не государство, а советское самоуправление. Гражданская война и голод, кадровый голод в аппаратах власти и эпидемии практически уничтожили главную движущую силу предполагаемого «перехода» к социализму, российский рабочий класс, «пролетарско-социалистическую составную часть» революции. В действительности советское государство поддерживало самоуправление лишь до тех пор, пока оно не мешало военным усилиям и объединению экономических ресурсов.

Данные исторические условия и «одиночество» революции поставили советский режим и советское государство, а также большевистскую партию в такое положение, которое не мог предугадать ни один революционер. В течение семи десятилетий в различных формах и с различными особенностями шло строительство «социализма в одной стране», ставшее опытом создания «новой, социалистической цивилизации». Понятийное описание строя, разрушенного в 1989–1991 гг., вызывает споры [см., например: Államszocializmus; Краус].

Ленин уже в «Государстве и революции» вел полемику против смешения понятий «капитализм» и «государственный социализм».

Слово «капитализм» приходится подчеркнуть, ибо самой распространенной ошибкой является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический или государственно-монополистический капитализм уже не есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом» и тому подобное [Ленин, 1974, с. 68].

И как далеки еще были тогда большевики от сталинского осуществления «государственного социализма», который в то время не представлялся им даже в страшных снах!

Позже, после завершения Гражданской войны, Ленин многократно касался этого вопроса, представлявшего интерес как с точки зрения практики, так и с точки зрения теории формаций, и писал, что в России необходимо «несколько переходных периодов», пока на основе многоукладной смешанной экономики не обозначатся контуры нового «социального формирования», низшей ступени коммунизма, социализма, который «нельзя ввести», «ибо мы безграмотны» [Ленин, 1970, т. 45, с. 377].

К концу 1920-х гг. все более широкие слои общества стали понимать, что Октябрьская социалистическая революция «замерзла»³. Доказательством этого могут служить и многие литературные произведения, достаточно вспомнить

³ Троцкий описал это понятием «сталинский термидор», который в конечном итоге породил новую социальную форму, *государственный социализм*.

«Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова. Советская революция «одомашнилась», «озверела», «искажилась» или просто «трансформировалась» в «модернизационную революцию» или «бюрократическую контрреволюцию». За разными формулировками, определениями скрываются или могут скрываться различные убеждения, теории и концепции. Быть может, Николай Устрялов, бывший руководитель колчаковской пропаганды, был первым, кто восславил Ленина как героя «модернизационной революции», поместил его в «Пантеон национальной истории», поскольку Ленин перебросил Россию из Средневековья в Новое время. Для Устрялова Ленин одновременно воплощает в себе Петра Великого и Наполеона, Мирабо и Дантона, Пугачева и Робеспьера [Устрялов, с. 372–376]. Несмотря на признание роли Ленина и все похвалы, Устрялов замалчивает именно то действительно оригинальное наследие, которое Ленин и Октябрьская революция оставили потомкам, – социалистический аспект революции. Устрялов как бы предворял типичного историка или идеолога наших дней, который в лучшем случае помещает все цели Октября в область утопий, а в худшем случае вешает на революцию даже ответственность за нацизм. Важнейшим и наиболее прочным доказательством сохранения в истории социалистического аспекта является советская гуманистическая культура, никогда не разрывавшая связи с революцией. Этот аспект был особенно важен для международного левого движения, которое с этих позиций формулировало свою критику искажившейся структуры развития СССР, ГУЛАГа и бюрократического беспредела.

Прежде всего, русская революция вырвала из царства утопий чаяния низших социальных слоев во многих странах мира. К числу этих чаяний принадлежали ликвидация безграмотности, безработицы, экстремального социального неравенства, введение бесплатного образования и здравоохранения, освобождение женщин от средневекового угнетения и т. д. В одно историческое мгновение возникла конкретная возможность убедить миллионы людей в том, что они способны создать более гуманную цивилизацию, в которой было бы возможно осуществление общества без угнетения, социальная самоорганизация и освобождение наемного труда.

Гуманистические ценности революции, социальная свобода и равенство и кооперативно-коллективное хозяйствование и поныне владеют фантазией и душами людей в любой точке планеты. Октябрьская революция, родившись как методология коллективистского преобразования мира, пережила крах (государственного) социализма как практического эксперимента. Но ее всемирное влияние, ее исторический опыт дали сильные импульсы национально-освободительным движениям и всей антиколониальной борьбе в целом, окончательный исход которой был предопределен победой в Великой Отечественной войне. Все это не должно отвлечь нашего внимания от основной дилеммы, возникшей после революции. Вслед за Ключевским Ленин писал, что Петр Великий боролся с варварством варварскими средствами. Думаю, что унаследованный потомками вопрос ныне нужно ставить так: можно ли бороться с варварством не варварскими средствами? Я не знаю ответа на этот вопрос. Но я убежден в том, что

в структурном смысле объективные предпосылки новой революции в различных формах и с разной степенью зрелости постоянно присутствуют во многих регионах мировой системы. И это не безусловно оптимистическое заключение. Когда мы плывем между Сциллой (утопией) и Харибдой (так называемой реальной политикой), то, как известно, несомненно лишь одно: плавать необходимо.

Александр Чубарьян об уроках революции 1917 года [Электронный ресурс] // Новости Сибирской науки. URL: <http://www.sib-science.info/ru/ras/god-ne-dolzhen-24012017> (дата обращения: 08.05.2017).

Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. : РОССПЭН : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010.

Воейков М. И. Материальные и социально-экономические предпосылки Русской революции // Октябрь 1917: вызовы для XXI века / Современная гуманитарная акад., Фонд Розы Люксембург, Фонд «Альтернативы»; под общ. ред. А. А. Сорокина. М. : URSS, 2008. С. 62–90.

Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М. : Мысль, 1983.

Краус Т. Ленин. Социально-теоретическая реконструкция. М. : Наука, 2011.

Краус Т. Перестройка и передел собственности в Советском Союзе: политические трактовки и исторические свидетельства [Электронный ресурс] // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: http://scepsis.net/library/id_2612.html (дата обращения: 08.05.2017).

Ленин В. И. О кооперации // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. М. : Изд-во полит. литературы, 1970. С. 369–377.

Ленин В. И. Примечания к тому // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 50. М. : Изд-во полит. литературы, 1970. С. 405–408.

Ленин В. И. Военная программа пролетарской революции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 30. М. : Изд-во полит. литературы, 1973. С. 130–143.

Ленин В. И. Доклад о революции 1905 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 30. М. : Изд-во полит. литературы, 1973. С. 306–328.

Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М. : Изд-во полит. литературы, 1974. С. 1–120.

Маркс К. Письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1961. С. 250–251.

Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста коммунистической партии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1961. С. 305.

Милюков П. Н. Россия на переломе: большевистский период русской революции : в 2 т. Париж : [б. и.], 1927.

Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М. : ЭКСМО : Алгоритм, 2003.

Чураков Д. О. Революция и социально-экономическое положение рабочих (конец 1917–1918 гг.) // Октябрь 1917: вызовы для XXI века / Современная гуманитарная акад., Фонд Розы Люксембург, Фонд «Альтернативы»; под общ. ред. А. А. Сорокина. М. : URSS, 2008. С. 212–231.

Allamszocializmus. Értelmezések-viták-tanulságok / szerk.: T. Krausz, P. Szigeti. Budapest : L'Harmattan, 2007.

Fitzpatrick S. A spy in the archives: a memoir of Cold War Russia. London ; New York : I. B. Tauris, 2014.

Russia's century of revolutions: parties, people, places : studies presented in honor of Alexander Rabinowitch / ed. by M. S. Melancon, D. J. Raleigh. Bloomington, Indiana : Slavica, cop. 2012.

Статья поступила в редакцию 28.07.2017

Краус Тамаш

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории Восточной Европы
Будапештский университет им. Лоранда
Этвеша
1088 Budapest, Múzeum körút, 6–8
E-mail: krausz1917@gmail.com

Krausz, Tamás

Dr. Hab. (History), Professor
Chair of East European History
Eötvös Lorand University
6–8, Múzeum körút, 1088 Budapest, Hungary
Email: krausz1917@gmail.com

1917: A HUNDRED YEARS, A HUNDRED COVENANTS

This article offers a multi-aspect analysis of the phenomenon of the October Revolution of 1917 in Russia from different historical and political points of view typical of historical figures (Lenin, Trotsky, Arshinov), and of later researchers, representatives of different and, at times, diametrically opposite positions. The initial thesis of the analysis was the thesis of the connection between historical science and politics, the peculiar spirit of passion, which permeated many written “stories” of the Russian revolution (from L. Trotsky and N. Berdyaev to P. Pipes and A. Rabinovich). The author examines the ideological, economic, political, and cultural origins of the revolution in detail — as Lenin saw them in his works, and as modern researchers see them today. Additionally, the author focuses on the controversy of the interpretation of the October Revolution as a simple coup, i.e. seizure of power with the use of violence. Close attention is paid to the antinomy of revolution and counter-revolution in its various manifestations, which leads the author to conclude that the counter-revolutionary regime had a great influence on the entire Russian society and on the revolutionaries too. As a conclusion, an attempt is made to re-balance the “conquests” of the Revolution in terms of their goals and opportunities.

Key words: October Revolution of 1917; Lenin; history; sources of the revolution; historiography of the Russian revolution of 1917; putsch; counterrevolution.

Aleksandr Chubarian ob urokakh revoliutsii 1917 goda [Alexander Chubarian about the Lessons of the 1917 Revolution]. *Novosti Sibirskoi nauki*. Retrieved from <http://www.sib-science.info/ru/ras/god-ne-dolzhen-24012017>. (In Russian)

Buldaikov, V. P. (2010). *Krasnaia smuta. Priroda i posledstviia revoliutsionnogo nasiliia* [The Red Smoot. The Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. Moscow: ROSSPEN; Fond pervogo prezidenta Rossii B. N. El'tsina. (In Russian)

Churakov, D. O. (2008). *Revoliutsiia i sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie rabochikh (konets 1917–1918)* [Revolution and the Socio-economic Position of Workers (Late 1917–1918)]. In A. A. Sorokin (Ed.), *Oktiabr' 1917: vyzovy dlia XXI veka* [October 1917: Challenges for the 21st Century] (pp. 212–231). Moscow: URSS. (In Russian)

Fitzpatrick, S. (2014). *A spy in the Archives: A Memoir of Cold War Russia*. London; New York: I. B. Tauris.

Ioffe, G. Z. (1983). *Kolchakovskaia avantiura i ee krakh* [Kolchak's Adventure and Its Collapse]. Moscow: Mysl'. (In Russian)

Krausz, T. (2011). *Lenin. Sotsial'no-teoreticheskaia rekonstruktsiia* [Lenin: Social-theoretical Reconstruction]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Krausz, T. *Perestroika i peredel sobstvennosti v Sovetskom Soiuze: politicheskie traktovki i istoricheskie svidetel'stva* [Perestroika and the Redistribution of Property in the Soviet Union:

A Political Interpretation and Historical Evidence]. *Nauchno-prosvetitel'skii zhurnal "Skepsis"*. Retrieved from http://scepsis.net/library/id_2612.html. (In Russian)

Krausz, T., & Szigeti, P. (Eds.). (2007). *Államszocializmus. Értelmezések-viták-tanulmányok* [State Socialism. Interpretation, Disputes, Lessons]. Budapest: L'Harmattan. (In Hungarian)

Lenin, V. I. (1970a). O kooperatsii [About Cooperation]. In V. I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] (Vol. 45, pp. 369–377). Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)

Lenin, V. I. (1970b). Primechaniia k tomu [Notes to the Volume]. In V. I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] (Vol. 50, pp. 405–408). Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)

Lenin, V. I. (1973a). Doklad o revoliutsii 1905 g. [Report on the Revolution of 1905]. In V. I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] (Vol. 30, pp. 306–328). Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)

Lenin, V. I. (1973b). Voennaia programma proletarskoi revoliutsii [The Military Programme of the Proletarian Revolution]. In V. I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] (Vol. 30, pp. 130–143). Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)

Lenin, V. I. (1974). Gosudarstvo i revoliutsiia [State and Revolution]. In V. I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] (Vol. 33, pp. 1–120). Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)

Marx, K. (1961). Pis'mo V. I. Zasulich [Letter to V. I. Zasulich]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniia* [Works] (Vol. 19, pp. 250–251). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)

Marx, K., & Engels, F. (1961). Predislovie ko vtoromu russkomu izdaniuu "Manifesta kommunisticheskoi partii" [Preface to the Second Russian Edition of the "Communist Manifesto"]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniia* [Works] (Vol. 19, p. 305). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)

Melancon, M. S., & Raleigh, D. J. (Eds.). (2012). *Russia's century of revolutions: parties, people, places: studies presented in honor of Alexander Rabinowitch*. Bloomington, Indiana: Slavica, cop.

Miliukov, P. N. (1927). *Rossii na perelome: bol'shevistskii period russkoi revoliutsii* [Russia at the Turning Point: The Bolshevik Period of the Russian Revolution] (Vols. 1–2). Paris: [s. n.]. (In Russian)

Ustryalov, N. V. (2003). *Natsional-bol'shevizm* [National Bolshevism]. Moscow: EKSMO; Algoritm. (In Russian)

Voeikov, M. I. (2008) Material'nye i sotsial'no-ekonomicheskie predposylki Russkoi revoliutsii [Material and Socio-economic Preconditions of the Russian Revolution]. In A. A. Sorokin (Ed.), *Oktiabr' 1917: vyzovy dlia XXI veka* [October 1917: Challenges for the 21st Century] (pp. 62–90). Moscow: URSS. (In Russian)

Received on 28 July, 2017